

И. А. ИЛЬИН

Отрицателям меча

I

Спор есть предметное состязание об истине: серьезное, ответственное, добросовестное. И если в споре этого нравственного уровня нет, то спорить не стоит: ибо тогда самый вопрос будет искажен и опошлен и решение его будет отодвинуто и затруднено.

Вот почему я не сразу мог заставить себя отозваться на статьи г. Демидова*, написанные по поводу моей публичной лекции «О сопротивлении злу силою» и моей статьи «Идея Корнилова». И если я отзываюсь теперь, то не ради г. Демидова, а ради тех, кто по совести ищет правду.

По прочтении статей г. Демидова мне стало просто *стыдно* за него, ибо он не только сам сочинил ту точку зрения, которую он излагает как мою, но и все самые острые цитаты, приписываемые мне, он *целиком выдумал...* И произошло это, прежде всего потому, что он совершенно пренебрег источниками осведомления: лекцию мою не слышал, статью просмотрел кое-как, а подождать два дня до выхода моей книги «О сопротивлении злу силою» (она вышла 27 июня) не хотел. А жажда ниспровергнуть мою «ложь» была слишком сильна. И вот результаты.

Ни в статье моей, ни в лекции (ни в книге) нет ни слова об «организованном классовом меньшинстве», об «элите», о «святости» или тем более о «святости» или «оправданности» меча, о том, что всего этого для борьбы со злом «достаточно», о «двух логических состояниях любви» (?!), о кострах «святой инквизиции». Все эти выражения, неизвестно откуда им взя-

---

* «Последние новости» от 25 июня и от 2 июля.

тые, он, однако, приводит в кавычках и приписывает мне с удивительной безответственностью...

Но дело не только в мнимых и ложных цитатах. Самые идеи, скрытые в них и во всем его изложении, в большей части своей сочинены им лично и затем приписаны мне. Эти идеи, нередко прямо противоположны тому, что я утверждаю. И потому первое, что я сделал по прочтении его статей — я дал поручение книжному складу выслать г. Демидову по адресу его газеты мою книгу, дабы он мог на этот раз собственноручно прочесть ее и устыдиться того, что он написал.

Все мое исследование доказывает, что меч не «свят» и не «праведен»; что Крест не меч и что меч не есть оружие Христа; что понуждения и меча абсолютно недостаточно для борьбы со злом; что зло и злой человек совсем не одно и то же и т. д. А между тем все это и многое другое г. Демидов приписывает мне. Я совсем не касаюсь в моем исследовании ни вопроса о «большинстве» и «меньшинстве», ни вопроса о «демократии», ни вопроса о «Монархии Божиею Милостью»; но зато я подробно выясняю различие, во-первых, между «принуждением», «понуждением» и «насилием» и, во-вторых, между «неправедностью» и «грехом». И вот все, что г. Демидов уловил, да и то только по внешней видимости, это то, что я считаю государственность и меч приемлемыми для православного христианина. Остальное — его собственные вымыслы.

Всего замечательнее его злая выходка, которую он с каким-то вызывающим самодовольством повторяет и воспроизводит в своей второй статье:

«Оно так и подобает новоявленному, тактическому последователю большевиков, *тоже открыто признающему* (курсив мой. — И. И.), что “организованное классовое меньшинство” должно и имеет право диктаторствовать над “пошло-кощунственной толпой”».

И повторив эту легкомысленную и злую выходку, он требует от П. Б. Струве доказательств, что я, Ильин, «не принимаю к руководству этой тактики».

Доказывать здесь нечего: в действительности я никогда не признавал и нигде не утверждал, что «организованное классовое меньшинство должно и имеет право диктаторствовать над пошло-кощунственной толпой». Классовое правление считаю вредным и губительным для всякой страны, нарушающим самые основные аксиомы правосознания; и много раз, публично, в России при большевиках, доказывал это с кафедры. Классовую диктатуру я отрицаю тем более. В трудные эпохи национально-

го развала и опасности *личная* диктатура сверхклассового, национального волеуправления может быть, однако, необходимой и спасительной. Так я думал и говорил и до большевиков, имея перед глазами исторические образы Кесаря Августа, Кромвеля¹, Наполеона.

Но ведь г. Демидов приписывает мне сочувствие не способу правления большевиков, а их тактике... При этом он обязан знать, что тактика их есть бессовестная демагогия, разжигание дурных страстей, ложь, подкуп, угашение духовности, поругание святынь, террор и грабеж. Какую же инсинуацию производит он, называя меня «тактическим последователем большевиков»?!

Но в этом он только остается верен духу своей газеты и ее редактора.

П. Б. Струве с присущей ему умственной зоркостью и терпимостью отметил, что философически г. Демидов не способен «ни в точной форме поставить, ни до конца продумать» весь этот вопрос. И он был вполне прав. Но я должен от себя и для себя договорить следующее.

Было время, когда русская радикальная пресса, вопреки требованиям серьезности, ответственности и добросовестности, считала допустимым заменять честные идейные возражения в споре со своими противниками опорочением их доброго имени, бранью, инсинуацией, клеветой. Считалось достаточным сказать «мракобес», «зубр», «черносотенец», «палач», «погромщик» — и дело было сделано. Этот прием и этот стиль господствует и ныне в газетах третьего Интернационала; но от этого тона недалеко и русская радикально-эмигрантская пресса. Этот вульгарный тон, этот дурной прием опорочения стоит ниже того нравственного уровня, на котором стоит вести идейный спор. И если г. Демидов и его единомышленники будут и впредь сводить всякое не разделяемое ими и непонятое им воззрение к «клевете» и «лжи» (статья от 25 июня), или объяснять какими-либо задними соображениями, корыстными расчетами* и классовыми вожделениями, или же подтверждать свое изложение выдуманскими цитатами, — то спор с ними будет сводиться к простому разоблачению их приемов, круг людей, желающих обращать на них серьезное внимание, будет все суживаться, а честная струя общественного мнения скоро найдет для них, а может быть, и нашла уже, нарицательное имя.

---

* Ср. в той же статье: «для себя считают злом», «соображения о выгодности» и т. д.

А теперь к тем, кто по совести ищет правду. Да, я утверждаю, что государственность, и меч, и сопротивление злодеям силою приемлемы для православного христианина. И когда я говорю о «православном мече», то я разумею меч, *православно обоснованный* (совсем не «оправданный», и не «освященный», и не «святой»).

Было бы невежественно, глупо и претенциозно, если бы я стал приписывать себе изобретение этого обоснования. Оно уже целиком заключено в Апостольских Посланиях, и пусть всякий прочтет написанное. Я же с моими философскими воззрениями следую за церковной традицией.

Апостол Петр пишет (1. 2: 13—16):

«Итак, будьте покорны всякому человеческому начальству для Бога: царю ли как верховной власти, правителям ли как от него посылаемым для наказания преступников и для поощрения делающих добро, ибо такова есть воля Божия, чтобы мы, делая добро, заграждали уста невежеству безумных людей как свободные, не как употребляющие свободу для прикрытия зла, но как рабы Божии».

Апостол Павел пишет (Рим. 13: 3—5):

«Ибо начальствующие страшны не для добрых дел, но для злых. Хочешь ли не бояться власти? Делай добро и получишь похвалу от нее. Ибо начальник есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое. И потому надобно повиноваться не только из страха наказания, но и по совести».

Итак, идея о том, что *государственный властитель* носит меч именно в качестве *Божьего слуги* для наказания преступников и злодеев и для *заграждения уст безумных людей*, есть идея Апостольская, древнехристианская и православная; и «православный» человек, желающий ее отвергнуть и не желающий здесь ничего ни «додумать», ни «дочувствовать», должен пересмотреть вопрос о своей принадлежности к православию. А до тех пор, пока он этого не сделает, ему надлежит осторожнее судить об «антихристианской» природе идей, высказанных первыми Апостолами.

В приведенных мудрых словах Апостольских все выговорено определительно и недвусмысленно: и задача правителя, и цель, для коей он носит меч, и критерий истинного правления, и допустимость казни, и мера применимости меча. Пусть только

ищущий ум беспристрастно и глубоко вдумается и вчувствуется в каждое слово. И сколько бы сентиментальное воображение ни ужасалось при слове «палач» и ни взывало к непротивлению, смертная казнь для злодея здесь *допущена как необходимость*.

Что же, значит, она «оправдана» и «освящена»? Значит, она «священна» и «свята»? И значит, кроме «меча» и «палача», ничего не нужно?

Нет, не значит!

Допустить как необходимость не значит «оправдать». И казнь здесь не оправдана, и не освящена, и не свята, и не священна. А только *допущена*, т. е. не воспрещена и не отвергнута, и не проклята, а *прямо предудказана* в меру ее необходимости и применительно к злодеям. И надо *все* сделать, чтобы меч и палач были не нужны; и после этого, если они все-таки будут необходимы, надо *принять их*.

По мнению сентиментального непротивленца, эти указания и выводы имеют «антихристианскую» природу: здесь конец христианству и «дальше учиться нечему»...

На самом деле все обстоит как раз наоборот: человек, отрицающий государственность и меч и считающий, что христианская любовь есть синоним беспредметного, сентиментального всему сочувствия, должен поистине сесть на ученическую скамью и учиться всему заново.

И, пересматривая свои несостоятельные и вредные предрассудки по вопросу о смертной казни, пусть он, между прочим, прочтет со вниманием, что написано об этом предмете русским православным мыслителем, с душою нежною и детски чистою, — Василием Андреевичем Жуковским. В своем глубоком и полном искреннего религиозного чувства очерке «О смертной казни» * поэт ставит вопрос о том, как надлежит поставить самую процедуру казни для того, чтобы она не развращала людей, а воспитывала их в христианском духе взаимной любви, покаяния и совместной молитвы...

Но прежде всего ищущему правду непротивленцу необходимо понять, что все обывательские подходы, понятия, смешения, слова здесь абсолютно недопустимы. Эта проблема глубока и трудна, она требует не только новых понятий, но обновления всего духовного опыта — долгой, углубленной, подготовительной работы и обостренного чувства ответственности. И конечно, познаний.

---

* Имеется даже в однотомном Собрании сочинений.

Позволительно ли, например, утверждать, что «воин после войны и убийства — не герой с точки зрения Церкви, а грешник»? (статья г. Д<емидова> от 25 июня).

В тринадцатом каноническом правиле св. Василия Великого читаем:

«Убиение на брани Отцы наши не вменяли за убийство, извиняя, как мнится мне, поборников целомудрия и благочестия...»

В каноническом послании св. Афанасия Великого к Аммуну-монаху мы читаем:

«Не позволительно убивать: но убивать врагов на брани и законно, и похвалы достойно. Тако великих почестей сподобляются доблестные в брани и воздвигаются им столпы, возвышающие превосходные их деяния. Таким образом, одно и то же, смотря по времени и в некоторых обстоятельствах, не позволительно, а в других обстоятельствах и благовременно, допускается и позволяется».

Но сентиментальный обыватель и здесь, вероятно, откажется «додумывать»... Что же, спросит он, этим «освящены» и «оправданы» войны?

Вопрос не будет разрешен, пока мысль и чувство не додумают и не научатся различать «неправедность» и «грех»...

Позволительно ли в связи с этим утверждать, что «война», «по учению православной Церкви», есть «грех»?

В православном Требнике в «*Чине благословения воинских оружий*» читаем: «Сия носити ко укреплению и заступлению Церкви Твоя святыя, сирых же и вдовиц, и на земли сущего святого достояния Твоего желающего, силу и крепость подаждь...»

Там же в «Чине освящения знамен» в молитве о воинах: «Научи их и вразуми, спаси, защити, сохрани, очисти и радости духовные исполни...»

А в «Молебном пении противу супостатов»?

А в «Чине благословения водного судна ратного, на сопротивные отпущаемого»?

Что же, «православный» непротивленец и здесь не захочет «додумывать»?

Или он скажет, упорствуя, что Церковь благословляет на «грех» и, моля о победе, молит о преуспейании во «грехах»? Но это до него уже говорил Л. Толстой, и говорил он это *не* от православия...

Прежде чем судить об этом вопросе, непротивленцу следует ознакомиться с малым Катехизисом митрополита Филарета²,

написанным особо «для военного сословия»; и с сочинениями митрополита Антония, написанными для военных: и с Катехизисом того же автора, недавно вышедшем в свет. И при всем том я сознательно не упоминаю о всей святоотеческой литературе вопроса, на коей основываются наши Святители, — об Иоанне Златоустом, об Амвросии Медиоланском³ и о многих других...

Не христианство ли воспитало в нас здоровые и глубокие основы правосознания и государственности? Что же, оно воспитало их, отвергая понуждение и пресечение и проповедуя непротивленчество? Кто же из русских православных великих Святителей, строивших Русь, учил непротивленчеству? Феодосий Печерский? Или епископы, советовавшие Владимиру Святому казнить разбойников (С. Соловьев. История России. Т. I. Гл. 7)? Или Сергей Радонежский? Или Петр, Алексий, Иона и Филипп? или Гермоген? Или Филарет и Никон?⁴ Или Серафим Саровский? Или старцы наших дней?

Умно ли ссылаться на грабежи крестоносцев? Разве употребление оружия во зло делает невозможным употребление его во благо? И что может всему этому противопоставить сентиментальный аполитист и толстовствующий непривленец?

Свое личное «не приемлю»? Но не скромнее ли признать, что это личное «не приемлю» имеет не общее и не публичное значение, а представляет разве лишь автобиографический интерес?

Знаю, что не в газетной полемике разрешать великие вопросы религиозного, нравственного и государственного сознания. Здесь необходимо уравновешенное, полное чувства ответственности за каждое произнесенное слово религиозно-философское исследование. И к нему я отсылаю тех, кто действительно ищет правду.

Но пусть никто не подходит к этим вопросам так, как делает это г. Демидов.

